

ПОЭЗИЯ ИРАНА В КОНТЕКСТЕ ТЕМЫ «ДЕМОНИЗМА» М.Ю. ЛЕРМОНТОВА: ДВУНАПРАВЛЕННОСТЬ ВЕКТОРА ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ

**З. Садеги Сахлабад
И.В. Мамиева**

Статья посвящена изучению воздействия сюжета и идей поэмы Лермонтова «Демон» на поэтов Ирана, осмыслению причин их неослабевающего интереса к образному воплощению демонизма представителем иной ментальности, иного эстетико-культурного опыта. «Демон» неоднократно переводился на персидский язык, но самым авторитетным признан перевод Т. Таша, сыгравший значительную роль в творческой жизни таких современных персидских авторов, как Нима Юшидж и Мохаммад Хосейн Шахрияр. Масштабы влияния на них поэмы Лермонтова не ограничиваются мотивными и образными перекличками. В лексической и синтаксической структуре, в описании природы, в характере повествования и романтическом стиле иранских стихотворений явно прослеживаются следы лермонтовского воздействия. Вместе с тем в статье затронута проблема двувекторности интертекстуальных связей: ставится вопрос об истоках древнеиранского дуализма в «Демоне», о кавказских фольклорных заимствованиях, в частности, трансформации в лермонтовском сюжете осетинского предания о духе Гуд-горы; раскрыто значение символики Иблиса в мистической литературе Ирана. В качестве методологической основы в работе использован сравнительный метод, способствующий выявлению сходства и единства человеческого духа и мировоззрения. Компаративистский анализ творчества иранских поэтов дает также возможность показать особенности взаимодействия национальных культурных кодов. Постановка на уровне архетипа демонизма проблемы выбора между добром и злом, между сопротивлением искушению и отходом от духовно-нравственных норм поведения проясняет акцентные художников в изображении дисгармоничности мира как следствия слепых и разрушительных страстей, в обрисовке изъянов и слабостей человеческой натуры, трагизма бытия отступившего и отверженного. Доказывается, что всемирный характер литературы, позволяющий мыслям одного поэта проникать в душу и разум поэта другой национальности, создает единое смысловое поле. Материал и выводы статьи представляют практическую ценность при изучении литературных связей Ирана с другими народами, могут быть использованы в преподавании курсов компаративистики на кафедрах русского языка в иранских университетах.

Ключевые слова: «Демон», М. Лермонтов, Иран, перевод, концепция демонического, литературное влияние, Н. Юшидж, М.Х. Шахрияр, осетинские параллели.

Демоническая тема занимала воображение художников всех времен и народов. В персидской литературе впервые встречается образ демона в «Шахнаме». Это Заххак. «Жил в земле фасийцев (Thasi), в пустыне, князь, имя которому было Заххак (авест. Ажи-Дахака); и был он исполнен властолюбия и нечестивых желаний. К нему пришел Иблис, злой дух, и сказал: “над солнцем возвышу я главу твою, если ты вступишь со мною в союз”. Заххак заключил с ним союз, убил при помощи дива своего отца и овладел его престолом. Тогда Иблис превратился в прекрасного юношу, поступил пова-

ром на службу к Заххаку, питал его кровью, как льва, чтобы сделать его мужественным, и давал ему превосходные кушанья, чтобы снискать его расположение. И попросил он себе позволения поцеловать Заххака в плечо. Заххак позволил ему – и мгновенно выросли на месте, которое поцеловал юноша, две черные змеи. Заххак изумился, велел отрезать их у самого корня, но напрасно. Как ветви дерева, они выросли опять. Тогда Иблис пришел к нему в образе врача и дал ему совет кормить их человеческим мозгом. Таким путем надеялся Иблис истребить людей на земле» [1]. Любопытную аналогию этой мифической древней истории обнаруживаем у современного осетинского писателя М. Булкаты. В его романе «Седьмой поход Сослана Нарты» символом благоденствия далимонов – нижних духов – выступает мельница, жернова которой должны непрерывно вращаться, поглощая человеческие кости. Подобно змеям Заххака, мозговые кости – их пища; если мельничный помол иссякнет, далимонам придет конец. В романе присутствует также мотив сговора с дьяволом, который, как и Иблис-искуситель Заххака, вынашивает планы уничтожения человеческого рода [2].

В Коране история Иблиса / Демона описана следующим образом. Аллах повелел всем ангелам пасть ниц перед Адамом, признать верховенство человека и его величие перед всеми творениями Аллаха. Но Иблис отказался выполнить приказ Аллаха и «сбил с пути». В наказание заслушание Аллах низвергнул Иблиса с небес на землю: «Вот Мы сказали ангелам: “Падите ниц перед Адамом”. Они пали ниц, и только Иблис отказался, возгордился и стал одним из неверующих» [3].

В большой Исламской энциклопедии отмечается, что корень слова *иблис* восходит к араб. ‘разочароваться’ и иногда – ‘разочаровать’. Востоковеды считают, что это слово происходит от греч. *diabolos*, и существует множество различных концепций его превращения в *иблис* [4, 150]. В Иране, как и во всем мире, подобный образ часто ассоциируется со смертью и разрушением.

Но в мистической литературе у демона есть и другой облик, отличный от традиционного восприятия. По мысли современного иранского литературоведа Шафи’и Кадкани, образ Сатаны получает двойственные комментарии: «В иранской и мировой литературе существует два взгляда на демона: один такой же, как в религиозных книгах, где с демоном связывается происхождение всех зол. Второй взгляд не традиционный, а мистический, при котором на демона смотрят с состраданием и даже благосклонно. Самое изысканное оправдание и истолкование сущности демона мы можем видеть в иранском мистицизме, и даже Саади, великий поэт, описывает его как прекрасное создание и называет неосведомленными враждующих с ним» [5, 131].

Наиболее глубокую разработку образа Демона в указанном ключе находим у выдающегося иранского поэта Санаи Газнави. В его стихотворении Демон с тоской говорит о покинутом им «божественном троне», о том, что «сиял он, чистый ангел, близкий к Богу». Позиционируя себя как жертву устроенной ему западни, персонаж Газнави горько сетует и обличает:

У порога моего была толпа ангелов
моих служебных.
Жилище света было моим тронном.
Он (Господь) тайно устроил мне ловушку.
Он хотел возложить на меня знак
проклятия,
Он сделал то, что хотел.

Человек был его оправданием [6, 871].

Ислами Нодушан, выдающийся современный критик, пишет так: «Я думаю, что в мире нет мысли, подобной мистицизму Ирана, защищающему демона (демона, представляющего собой животную и низменную природу человека)» [7, 318]. С иранским мистицизмом, добавим мы, мог бы соперничать разве что создатель «Демона», гений русской поэзии М.Ю. Лермонтов!.. Ведь отнюдь не случайно это произведение вот уже более ста лет привлекает к себе внимание творческой общественности Ирана.

Цель данной статьи – исследовать характер и процесс пересечения иранского

архетипа зла с концепцией демонизма у Лермонтова, проследить историю вживания темы демонизма русского автора в поэтико-эстетическую культуру Ирана.

Перевод – вид литературного творчества, в процессе которого произведение, существующее на одном языке, воссоздается на другом [8, 15]. Это один из способов репрезентации национального культурного кода и одновременно – действенный инструмент межъязыкового взаимодействия, диалога культур.

Первое переложение «Демона» на персидский язык, сделанное Али Асгар Хелалиан в 1913 г., к сожалению, не сохранилось. В 1922 г. Теймуром Ташем осуществлен новый перевод, который был напечатан в еженедельном журнале «Нубахар» («Новая весна»). В 2009 г. за перевод поэмы берется Б. Дехган (его перевод опубликован в книге «Избранные стихотворения М.Ю. Лермонтова»). Последнее по времени переложение «Демона» на персидский язык в числе переводов восточных стихотворений поэта входит в книгу «М.Ю. Лермонтов и мир Востока» [9, 149–189].

Во вступительном слове к своему переводу Т. Таш высказывается следующим образом: «“Демон” — это литературный роман, написанный в форме поэмы. Поэма была порождением гениальных мыслей Лермонтова, поэта своей эпохи, и является чудом века. Неимоверный талант русского поэта захватывает воображение читателя. Манера поэта не имеет подобной ни на Западе, ни на Востоке. Может быть, русский поэт использовал восточный опыт и создал необычную и удивительную поэму; но его манера не совпадает ни с восточными, ни с западными традициями» [9, 5].

Осетинский «след» в поэме

Переводчик, безусловно, прав в своих предположениях о синтезе в «Демоне» восточной и западной традиций, при этом едва ли ему известно о бытовании мифосюжетной параллели у народа, имеющего общие с иранцами генетические и языковые корни!.. Речь идет об «истории любви» горного духа к земной красавице, записанной

в 1858 г. Н. Дункель-Веллинггом, сотрудником газеты «Кавказ», со слов проводника-осетина.

Глубоко в ущелье, у самой подошвы Гуд-горы, гласит легенда, находился некогда осетинский аул. Здесь, в убогой сакле, в небогатой семье, росло прелестное дитя, и звали ее Нина. Люди не могли налюбоваться на девочку, окружали ее заботой и всячески баловали. Даже горный дух, могучий древний Гуд, пленился ею. Собиралась ли малышка взойти на гору, он разравнивал тропинку под её ножкой; шла ли нарвать цветов – каменный овраг на её пути превращался в благоухающий цветочный луг.

Минуло пятнадцать весен со дня появления Нины на свет, и стала она дивной красавицей, равной которой не было не только в горской сакле, но и в царских палатах. Девушка не замечала опеку и любовь горного духа. Она влюбилась в своего соседа, юного и статного Сосико, и тот отвечал ей взаимностью. Старый Гуд жестоко страдал, ревнуя, он не раз заманивал Сосико на тропу смерти; и лишь проворство и смелость юноши уберегали его от неминуемой гибели (ср.: убийство Демоном жениха Тамары).

Гуд был в ярости и однажды, когда влюбленные оказались в сакле одни, а в горах свирепствовала буря, он сбросил на них лавину снега. Обвал не испугал, а скорее обрадовал Сосико и Нину. Они развели огонь и, усевшись рядом, «беспечно предались мечтам». Минул день, второй – «сердца их были полны любовью, но желудки просили пищи»... Прошло еще несколько дней, и не стало слышно в сакле смеха и веселых речей. Голод терзал их, и настал момент, когда в человеке пробудилось нечто звериное. «Сосико кидался из угла в угол, и вдруг остановился... бросился к ней и впился зубами в плечо». Внезапно послышались голоса: аульчане освобождали дверь от завала.

Расставаясь, Нина и Сосико обменялись взглядами, полными вражды и отвращения. Старый Гуд разразился громовым хохотом, так что целая груда камней обрушилась с горы в долину. «Вот как смеётся

наш могучий Гуд», – приводит в заключение Н. Дункель-Веллинг слова проводника, который при этом указал ему «на большое пространство, густо усеянное осколками гранита» [10, 7].

В «Демоне» Лермонтова авторские стратегии многократно усложнили содержание древнего мифа о любви злого духа к земной красавице¹, придали ему философскую глубину и семантику контрастной полифонии, создав тем самым почву для неоднозначности его восприятия. Лермонтоведы в объяснении перипетии судьбы героя исходят из мирового культурного контекста (Дж. Мильтон, Дж. Байрон, И.В. Гете, А. де Виньи и др.). Проблема кавказских фольклорных заимствований также имеет давнюю историю: одни утверждают бесспорную значимость влияния горских преданий на лермонтовский сюжет (П. Висковатов, Л. Семенов, И. Андроников), другие высказываются против преувеличения границ этого влияния (Д. Гиреев и др.). Исследователи выделяют несколько сфер истолкования поэмы: «космическую, или вселенскую, где Демон рассматривается в отношении к богу и мирозданию; общественно-историческую, где Демон выражает определенный момент в становлении передового сознания эпохи; психологическую – как апофеоз и трагедию свободной страсти» [12, 131]. В рамках избранной темы для нас наибольший интерес представляет последний аспект проблемы личности: границы ее свободы, грани выбора между добром и злом.

Возвращаясь к мифу о властителе Гуд-горы, заметим, что, само собой разумеется, он претерпел в «Демоне» значительные трансформации. Очевидны инверсионные смещения социальных и этнических акцентов: простолюдинка-осетинка Нина – княжна-грузинка Тамара; убогая сакля родителей Нины – высокий каменный дом Гудала («Трудов и слез он много стоил / Рабам послушным с давних пор»). На глубинном уровне – модификации в области эстетики и статуса демонизма. Влюбленный «дух изгнания», в отличие от седовласого старца Гуда осетинской легенды, обрисован в романтически возвышенных тонах («При-

шлец туманный и немой, / Красой блистая неземной...»). Разителен контраст между низкой злой волей духа гор, его заурядной одиозностью и могуществом субъективной «правды» героя Лермонтова, его «неутолимым демоническим голодом по положительным началам жизни при невозможности с ними слиться» [13, 773].

Что роднит эти образы, так это неистовая, безудержная страсть к земной женщине и досада на свое вечное существование, вызванная жаждой познать ее любовь. Могучий патрон Гуд-горы частенько задумывается над тем, как было бы хорошо стать смертным и быть всегда рядом с Ниной; лермонтовский Демон в тоске признается Тамаре: «Лишь только я тебя увидел – / И тайно вдруг возненавидел / Бессмертие и власть мою». Схожи и последствия стихийного влечения. В первой, «кавказской», редакции поэмы при виде ангела в келье монахини в душе влюбленного Демона воскресает «старинной ненависти яд», и он, охваченный завистью и чувством мести, решает погубить ее. В последующих редакциях на место мотива сознательных намерений духа зла заступает клятвенное обещание «с небом примириться» через любовь.

Обратим внимание еще на один ряд сюжетных «притяжений-отталкиваний». В осетинской легенде экзамену на человечность подвергается избранник Нины: вначале позиционируемый как носитель национального идеала, в финальном событии он низвергнут с этого пьедестала. В отличие от узников злого Гуда, лермонтовская Тамара, спасаясь от соблазна, уходит в монастырь сама. Но и тут и там персонажи не выдерживают испытания, однако в первом случае духовное падение героя не подлежит реабилитации (эпическое решение), в то время как у Лермонтова ангел вызывает душу Тамары от власти Демона. В поэме открыто звучит христианский мотив раскаяния и прощения. Таким образом, заключительный аккорд в обоих сюжетах составляет спасение жертвы и посрамление «агрессора»; с этим связана и эволюция их отношений (перешедшая в ненависть лю-

бовь Нины – посмертная «измена» Тамары Демону).

Как видим, общей для фольклорного («Любовь Гуда») и литературного («Демон») нарративов является тема искушения, хотя с уверенностью можно сказать, что ни ситуативно, ни относительно проекции на глубину и масштабность персонажной сферы тема эта не имеет точек пересечения. Нет в осетинской легенде и той скрытой противоречивости сюжетного рисунка, неопределенности в психологических мотивировках [14, 58], в генезисе центрального образа [13, 766–791], которыми отмечено лермонтовское повествование.

Двойственность восприятия понятия «демонизм» в русской культуре

Некоторые исследователи связывают указанные моменты с цензурной историей «Демона» (У. Р. Фохт, Д. А. Гиреев и др.). Но нельзя забывать и о полисемантизме самого термина «демонизм», о множестве нюансов его значений. Выше мы говорили о двойственности восприятия образа демона в художественном сознании иранцев. Аналогичная картина наблюдается и в русской философской и художественной мысли, «особенно в Серебряном веке, отношение к “демоническому”, как к понятию, так и к самому явлению, было многообразным и противоречивым» [15, 3].

Хотя демонические мотивы разрабатывались и до Лермонтова как в европейской, так и в русской литературе, в русской культуре представление об этом явлении связано прежде всего с поэмой Лермонтова. «“Демон” Лермонтова является эстетическим выражением сомнений, богоборческой страстности человеческой души. Этот образ ассоциировался в литературной критике с личностью самого поэта. Главным мотивом становится беспокойная, мятежная душа Демона, а не его конфликт с мирозданием. Герой поэмы не удовлетворен не столько миром, сколько самим собой, он ищет утраченные им ценности “любви, добра и красоты”» [16, 15].

Переводческие интерпретации поэмы «Демон» и ее воздействие на поэзию Ирана

Подлинная встреча иранского народа с «Демоном» Лермонтова стала возможной лишь после перевода Теймура Таша. Т. Таш (1883–1933) окончил Николаевскую академию Генерального штаба, и сыграл важную роль в переходе власти от династии Каджаров к династии Пехлеви. Невозможно переоценить роль художественного перевода «Демона» Ташем в восприятии и развитии идей и сюжетов Лермонтова в иранской литературе. Этот перевод до настоящего времени остается источником вдохновения таких известных поэтов, как Моххамад Хосейн Шахрияр и Нима Юшидж.

М. Х. Шахрияр в одном из своих стихов под названием «Упоминание о славе литературных и художественных деятелей» писал так:

«Демон» – как невеста
Среди романтических поэзий,
Я и Нима в великом восторге от «Демона»
Великого русского гения Лермонтова,
От которого вовсе невозможно
Оторвать душу [17, 746].

Иранский исследователь, Я. Арианпур, опираясь на эти строки Шахрияра, пишет в своей книге так: «М. Х. Шахрияр говорит, что Нима, прочитав произведение русского поэта Михаила Лермонтова “Демон”, был очень впечатлен, и под этим впечатлением он создал стих “Афсане”»². Сходство «Афсане» с «Демоном» и «Мцыри» Лермонтова доказывает этот факт. Нима не знал русского языка, но, разумеется, он использовал перевод Теймура Таша, хотя этот перевод был не столь успешен» [18, 591].

Выдающийся иранский переводчик Забихоллах Мансуры вспоминает: «Однажды в собрании я прочитал перевод вольного стихотворения одного русского поэта. Нима был очень впечатлен, и ему понравилось. Он начал думать о том, чтобы создать нечто подобное этому стихотворению в Иране. И он создал то, что привлекает се-

годня к его поэзии миллионы молодых людей» [19, 126].-

Масштабы влияния поэмы «Демон» на творчество иранских поэтов не ограничиваются мотивными и образными перекличками. В лексической и синтаксической структуре, в описании природы, в характере повествования и романтическом стиле их стихотворений явно прослеживаются следы лермонтовского воздействия.

Так, в поэме «Афсане» Нима Юшиджа в пейзажных картинах нашли отражение такие лермонтовские мотивы, как изгнание Демона из рая, воспоминания о прошлом, его печаль и горе, несбывшаяся любовь и уединение в храме на лоне природы, его одиночество. Описание любовной тоски сходно с лермонтовским описанием чувств влюбленного Демона. Для сравнения:

Н. Юшидж, «Афсане»:

Влюбленный:

О, увы! Эта печаль, как змей,
Жалит мою душу.
От боли, как змеи, лащусь.
Она давит мне кости.
Как она соблазняет меня.
Мое сердце – письмо небес.
Мавзолей надежд и душ. [20, 52]

«Демон» Лермонтова:

Моя ж печаль бессменно тут,
И ей конца, как мне, не будет;
И не вздремнуть в могиле ей!
Она то ластится, как змей,
То жжет и плещет, будто пламень,
То давит мысль мою, как камень –
Надежд погибших и страстей
Несокрушимый мавзолей!... [21, 237]

В поэме «Афсане» герой бежал от людей и поселился в холодном и тихом ущелье, «окружен неясными тенями, ...как стебель мертвого растения».

В «Демоне» главная героиня Тамара также покинула город, «и в монастырь уединенный / Ее родные отвезли» [Там же, 228].

Другое произведение Н. Юшиджа, написанное под влиянием «Демона» Лермонтова, называется «Дом Саривили». Саривили был поэтом и вместе с женой жил в

деревне, вблизи леса. Самым большим удовольствием для него было слушать пение перелетных птиц. Но в бурной и темной ночи Демон пришел к нему и хотел войти в дом. Герой не желал этого, Демон все же вошел и уснул в доме. Постелью ему служили его собственные ногти и волосы, которые к утру превратились в змей. Увидев это, поэт покинул деревню и отправился с женой в пустыню. Родные решили, что он сошел с ума. Много лет спустя поэт вернулся домой с женой и собакой. Но, увы, его дом больше не дарует кров перелётной птице, и он остался несчастным навсегда.

Поэма «Дом Саривили» и по содержанию, и по форме напоминает лермонтовского «Демона». Главную роль в обоих произведениях играют диалоги Демона и героя. Описание природы и изображение переживаний героев также сходны. В поэме Лермонтова Демон проникает в монастырь, а в поэме Н. Юшиджа – в дом поэта, который, как монастырь, таился «в прохладе меж двумя холмами» и окружен был «чинар и тополей рядами». В обеих поэмах пришельцы хотели «гостить» «до денницы». Демон в обоих случаях пытается овладеть душой героя. И Лермонтов, и Юшидж называют Демона «духом изгнанья». Перекличка с «Демоном» ощутима и в некоторых строфах Юшиджа. Например, следующий фрагмент:

Что слова и мелочные дела жизни?
Нет, не стоят они одного мгновенья
Печали праведного мужа [20, 351].
Ср. у Лермонтова:
Что жизни мелочные сны,
И стон и слезы бедной девы
Для гостя райской стороны?
Нет, жребий смертного творенья
Поверь мне, ангел мой земной,
Не стоит одного мгновенья
Твоей печали дорогой! [21, 225].

Или, например, структура диалога с уверениями Демона –

у Юшиджа:

Уже полночь, в мире все темно.
На нас никто не кинет взгляда.
Я хранил тайну... [20, 350];
у Лермонтова:

Тамара
Нас могут слышать!..
Демон
Мы одне.
Тамара
А Бог!
Демон
На нас не кинет взгляда:

Он занят небом, не землей! [21, 238].

Говоря о лермонтовском влиянии на иранских поэтов, следует помнить о том, что тема демонизма в русской литературе начинается с Пушкина и Лермонтова, но в Иране имеет очень давнюю историю. В «Демоне» мы видим в свою очередь влияние Древнего Ирана. Демон как олицетворение зла и Ангел смерти как символ добра суть отражение дуализма, зародившегося в зороастризме. Обратим внимание и на то, как переплетаются в творческой кузнице иранского поэта мотивы своей мифологии (ср.: змеи Заххака) с лермонтовской идеей осквернения святой обители. Собственно, здесь перед нами миф о распаде космической гармонии.

Известно, что птицы на Мировом древе выступают мифопоэтическими классификаторами божественной сущности, духа неба, в то время как им противопоставлены классификаторы низа – хтонические существа, змея в первую очередь [22, 346]. Подобно тому, как птица является символом святости, ее пение имеет тот же характер и относится к трансцендентной вселенной, а когда пение птиц связано с музыкой, музыка становится внеземным и духовным аспектом. В интерпретации мистических текстов птица символизирует любовь Бога, «которая пытается отвлечь душу от злых приключений и злых духов» [23, 199]. В этом смысле мы видим сначала как птицы (дрозды) залетают к Саривили в дом и поют. По возвращении его на родину утренние птицы помогают поэту в строительстве нового дома, приносят в клювах глину с горы. Но поскольку он испытал соблазн Демона, дрозды больше не появляются в его доме, и Саривили остается без радости. Так на языке индивидуально-авторской символики певчие птицы в стихот-

ворении Н. Юшиджа стали поэтическим аналогом покинувшего поэта вдохновения.

К числу известных современных поэтов – сочинителей газелей принадлежит Сейед Мохаммад Хосейн Бахджат Табризи (1906–1988), выбравший себе поэтический псевдоним «Шахрияр» («Царь»). В книге «Интервью с Шахрияром» поэт говорит о неизгладимом воздействии, которое оказало на него знакомство с «Демоном» Лермонтова [24, 143]. Это восторженное впечатление явственно ощутимо в стихотворении под названием «Две райские птицы» (1944), например, в таких строках: «У гневного Демона был блеск в глазах, / А в сердце тучи, ураган и солнце» или: «Демон схоронился (букв. укрыл голову) в пещере» [17, 651]. Здесь явные переключки со следующим фрагментом поэмы Лермонтова:

И скрылся я в ущельях гор;
И стал бродить, как метеор,
Во мраке полночи глубокой...
<...> В борьбе с могучим ураганом,
Как часто, подымая прах,
Одетый молнией и туманом,
Я шумно мчался в облаках... [21, 230].

М. Пурхамдоллах отмечает, что стихотворение Шахрияра под названием «Бред души», построенное на игре воображения, также написано под влиянием поэмы «Демон». По его мнению, это влияние особенно заметно в строфах с 23 по 27, которые переключаются с описанием уединения Тамары в храме после смерти жениха и затем – появления Демона, обольщения им Тамары и ее гибели от ядовитого поцелуя [25]. В переводе на русский язык они звучат так:

В роскошном храме,
Голос азана³ и запах благовония.
И Демон в темную ночь
Вошёл в открытый монастырь...
Я⁴ до полуночи читал молитвы
У могилы дочери священника.
Любовь шла, как дождь из весенней тучи,
И задрожали кресты.
Небесные души
Спокойно присели на землю.
Звучала музыка, и двигались души
вокруг могилы.
Расцвел ангел раскаяния

В сердце девушки, словно
Свет месяца в дымке.
Жертву любви изгнанного духа
Ангел омывал слезами –
Невинными, нежными,
сомневающимися, – избавляя ее
От ядовитого поцелуя Демона

[17, 895–896].

Подводя итоги, можно сказать, что знакомство с художественным процессом любого народа невозможно без сопоставления, сравнения, анализа литературных влияний и взаимодействий с поэтической традицией других народов. При этом с древнейших времен перевод был своеобразным ключом, с помощью которого воспринимающее сознание постигало своеобразие идентичности носителей иной культуры, иного, национально специфического характера видения мира. Таким «ключом» для иранцев стал перевод «Демона» Лермонтова. Компаративистский анализ творчества Юшиджа, Шахрияра и др., раскрывая особенности освоения темы демонизма поэтико-эстетической культурой Ирана, позволяет говорить о сходстве и единстве человеческого духа и мировоззрения, в конечном итоге – о едином смыс-

ловом поле, формируемом всемирным характером литературы. В данной мысли укрепляет и изучение поэмы «Демон» в контексте мифологии иранских народов, оно свидетельствует о двунаправленности вектора интертекстуальных переключек: об отражении в лермонтовском сюжете элементов древнеиранского дуализма, а также о кавказских фольклорных вкраплениях (предание о духе Гуд-горы).

Примечания:

1. Одним из возможных источников поэмы Лермонтова назван также библейский сюжет из неканонической книги Товит о демоне, который из ревности изводит женихов девушки, и лишь вмешательство архангела Рафаила помогает очередному (восьмому по счету) претенденту «избавиться от демона и спасти едва не изгнанную дочь Рагуила Сарру, предназначенную ему в жены Провидением» [11].

2. Персидское женское имя, в переводе означающее «легенда».

3. В исламе: призыв к обязательной молитве.

4. Автор позиционирует себя как участник виртуального события.

1. *Фирдоуси*. Шахнаме. [электронный ресурс]. URL: <http://comunicom.ru/kultura/41-shakhname>

2. *Мамиева И.В.* Образы зла в осетинской литературе: отражение аспектов общеиранской традиции // Историческое наследие Ирана в Осетии: Материалы международной научной конференции (Тегеран, 11–15 декабря 2019 г.). Тегеран, 2019. С. 138–149.

3. *Коран, Ас-Саади, Абд ар-Рахман бин Насир*. Толкование Священного Корана «Облегчение от Великодушного и Милостивого»: Смысловой перевод Корана на русский язык с комментариями Абд ар-Рахмана ас-Саади. В 3-х т. / Пер. с арабского Э. Кулиева. М., 2008.

4. *Яхьянур М., Садеги Сахлабад З.* Михаил Лермонтов и мир Востока. Тегеран, 2011. 228 с. (на перс. яз.)

5. *Шафи'и Кадкани М.* Иблис в персидской литературе // Хасти. 1372/1993. № 4. С. 130–139. (на перс. яз.)

6. *Санаи Газнави А.* Диван / Коммент. М.Т. Модаррес Разави. Тегеран, 1341/1962. (на перс. яз.)

7. *Ислами Нодушан М.А.* Чаша Джамшида. Тегеран, 1382/ 2003. (на перс. яз.)

8. *Назарова Р.С.* Проблемы перевода произведений М.Ю. Лермонтова на таджикский язык. Душанбе, 2018.

9. *Таш Т.* «Демон» Лермонтова // Нубахар. 1301/1922. № 1–3/13. С. 5–45. (на перс. яз.)

10. *Дункель-Веллинг Н.* Любовь Гуда: Осетинская легенда // Кавказ. 1858. № 30. С. 7.

11. Васильев С.А. О незамеченном библейском источнике поэмы М.Ю. Лермонтова «Демон» // Филологические науки. 2005. № 3. С. 24–32.
12. Лермонтовская энциклопедия. М., 1881.
13. Роднянская И.Б. Демон ускользающий // М.Ю. Лермонтов: pro et contra. СПб., 2002. С. 766–791.
14. Манн Ю. Завершение романтической традиции (Поэмы «Мцыри» и «Демон») // Лермонтов в литературе народов Советского Союза. Ереван, 1974. С. 32–62.
15. Попова Л.В. «Демоническое» в художественной культуре серебряного века: культурфилософские аспекты. М., 2014.
16. Домахина Н.М. Эстетика демонического в русской художественной культуре XIX – начала XX веков: Дис. ... канд. филос. наук. СПб., 2007.
17. Шахрияр М.Х. Полное собрание сочинений. В 2 т. Тегеран, 1385/2006. (на перс. яз.)
18. Арианпур Я. От Саба до Нима. В 3 т. Тегеран, 1382/2003. Т. 3. (на перс. яз.)
19. Джамшиди Э. Встреча с Забихоллахом Мансури. Тегеран, 1382/2003. (на перс. яз.)
20. Юшидж Н. Полн. собр. соч. Тегеран, 1371/1992. (на перс. яз.)
21. Лермонтов М.Ю. Поэзия. Проза. М., 2009.
22. Иванов В.В., Топоров В.Н. Птицы // Мифы народов мира: Энциклопедия. В 2 т. М., 1988. Т. 2. С. 346–349.
23. Шевалье Жан. Словарь символов / Пер. с фр. С. Фазаели. Тегеран, 1384/2005. (на перс. яз.)
24. Ализаде Дж. Интервью с Шахрияром. Тегеран, 1397/2018. (на перс. яз.)
25. Пурхамдоллах М. Влияние поэмы «Демон» на Н. Юшиджа и М.Х. Шахрияра // История литературы. Тегеран, 1390/2011. № 64/3. С. 29–49. (на перс. яз.)

Sadeghi Sahlabad, Zeinab – Alzahra University (Tehran, Iran); z.sadeghi@alzahra.ac.ir

Mamieva, Izeta V. – V.I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of the Vladikavkaz Scientific Centre of RAS (Vladikavkaz, Russia); dzirasga@mail.ru

POETRY OF IRAN IN THE CONTEXT OF THE THEME OF “DEMONISM” BY M.YU. LERMONTOV: BI-DIRECTIONALITY OF THE VECTOR INTERTEXTUAL CONNECTIONS.

Keywords: “Demon”, M. Lermontov, Iran, translation, demonic concept, literary influence, N. Yushij, M.H. Shahriyar, Ossetian parallels.

The article is devoted to the study of the impact of the plot and ideas of Lermontov’s poem “Demon” on the poets of Iran, understanding the reasons of the unrelenting interest of Iranian authors in the different embodiment of demonism by a representative of a different mentality, a different aesthetic and cultural experience. “Demon” was repeatedly translated into Persian, but the most credited is the translation made by T. Tash, which influenced such modern Persian poets as Nima Yushij and Mohammad Hossein Shahriyar. The extent of the influence of Lermontov’s poem on their work is not limited to motivational and figurative roll-calls. In the lexical and syntax structure, in the description of nature, in the nature of the narrative and the romantic style of Iranian poems Lermontov’s influence is distinctly traceable. Alongside with this, the article touches on the problem of two-vector intertextual connections: the question of the origins of the ancient Iranian dualism in “Demon” and the Caucasian folklore borrowings, in particular, the transformation in Lermontov’s plot of the Ossetian Stories about the spirit of Gud-gori; this article, in parallel with this issue, reveals the significance of Iblis’s symbolism in Iran’s mystical literature. A comparative method was used as a method of work, which allowed to prove the similarity and unity of the human spirit and worldview. Comparative analysis of the work of the Iranian poets also provides an opportunity

to show the peculiarities of interaction of national cultural codes. The choice between good and evil on the level of the demonism archetype, between resisting temptation and a departure from spiritual and moral standards of behavior clarifies the accents of artists in depicting the disharmony of the world as the consequence of the blind and destructive passions, in depicting the flaws and weaknesses of human nature, the tragedy of being estranged and outcast. The results of the study contribute to the development of comparative literary studies. The article proves that the world nature of literature, allowing the thoughts of one poet to penetrate into the soul and mind of a poet of another nationality, creates a single semantic field. The materials and conclusions of the article are of practical value in studying Iran's literary ties with other nations, and can be used in teaching comparative studies at The Russian Language Departments in Iranian universities.

REFERENCES

1. Ferdowsi. *Shakhname. Kratkoe sodержanie* [Shahnameh. Summary]. [electronic resource]. URL: <http://comunicom.ru/kultura/41-shakhname>
2. Mamieva, I.V. *Obrazy zla v osetinskoj literature: otrazheniye aspektov obshcheiranskoi traditsii* [Images of evil in Ossetian literature: a reflection of aspects of the common Iranian tradition]. *Istoricheskoe nasledie Irana v Osetii: Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Teheran, 11–15 dekabrya 2019 goda)* [Historical heritage of Iran in Ossetia: Proceedings of the International scientific conference (Tehran, December 11-15, 2019)]. Tehran, Allameh Tabataba'i University, 2019, pp. 138–149. (in Persian)
3. Koran, As-Saadi, Abd ar-Rahman bin Nasir. *Tolkovanie Svyashchennogo Korana "Oblegchenie ot Velikodushnogo i Milostivogo": Smyslovoi perevod Korana na russkii yazyk s kommentariyami Abd ar-Rahmana as-Saadi. V 3-kh t.* [Interpretation of the Holy Quran "Relief from the Magnanimous and Gracious": Semantic translation of the Quran into Russian with commentaries by Abd ar-Rahman al-Saadi: In 3 vols. Transl. from Arabic by E. Kuliev]. Moscow, Umma, 2008. 1088 p.
4. Yahyapour, M., Sadegi Sahlabad, Z. *Mihail Lermontov i mir Vostoka* [Mikhail Lermontov and the World of the East]. Tehran, Institute of Humanities and Cultural Studies, 2011. 228 p. (in Persian)
5. Shafi'i Kadkani, M. *Iblis v persidskoj literature* [Iblis in Persian literature]. *Hasti* [Hastie]. 1372/1993, no. 4, pp. 130–139. (in Persian)
6. Sanayi Ghaznavi, A. *Divan. Komment. M.T. Modarres Razavi* [Diwan. Comments by M.T. Modarres Razavi]. Tehran, Ibn-Sina, 1341/1962. 1404 p. (in Persian)
7. Eslami Nodoushan, M.A. *Chasha Dzhamschida* [Jamshid's Bowl]. Tehran, Gatre, 1382/2003. 408 p. (in Persian)
8. Nazarova, R.S. *Problemy perevoda proizvedenii M.Yu. Lermontova na tadzhikskii yazyk* [Problems of M. Lermontov's works translating into Tajik]. Dushanbe, Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan. A. Rudaki Language Institute and Literature, 2018. 156 p.
9. Tash, T. *Perevod «Demona» Lermontova* [Lermontov's "Demon" translation]. Tehran, Nubahar, no. 1–3/13, 1301/1922, pp. 5–45. (in Persian)
10. Dunkel-Velling, N. *Lyubov' Guda: Osetinskaya legenda* [Good's love. Ossetian legend]. *Kavkaz* [Caucasus]. 1858, no. 30, p. 7.
11. Vasilev, S.A. *O nezamechennom bibleiskom istochnike poemy M.Yu. Lermontova "Demon"* [About the unnoticed biblical source of the M. Lermontov's poem "Demon"]. *Filologicheskiye nauki* [Philological sciences]. 2005, no. 3, pp. 24–32.
12. *Lermontovskaya entsiklopediya* [Encyclopedia of Lermontov]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya, 1981. 784 p.
13. Rodnyanskaya, I.B. *Demon uskol'zayushchii* [The Elusive Demon]. *M.Yu. Lermontov: pro*

et contra [M.Yu. Lermontov: pro et contra]. St. Petersburg, Russian Christian Academy for the Humanities, 2002, pp. 766–791.

14. Mann, Yu. *Zavershenie romanticheskoi traditsii (Poemy "Mtsyri" i "Demon")*. [Completion of the romantic tradition (Poems "Mtsyri" and "Demon")]. *Lermontov v literature narodov Sovetskogo Soyuz*a [Lermontov in the literature of the peoples of the Soviet Union]. Erevan, Erevan State University, 1974, pp. 32–62.

15. Popova, L.V. *"Demonicheskoe" v khudozhestvennoi kul'ture serebryanogo veka: kul'turfilosofskie aspekty* ["Demonic" in the artistic culture of the Silver Age: cultural and philosophical aspects]. Moscow, State Institute of Art Studies, 2014. 221 p.

16. Domakhina, N.M. *Estetika demonicheskogo v russkoi khudozhestvennoi kul'ture XIX – nachala XX vekov* [Aesthetics of demonic in Russian artistic culture of the 19th and early 20th centuries]. Candidate dissertation (in Philosophy). St. Petersburg, 2007. 199 p.

17. Shahriyar, M.H. *Polnoe sobranie sochinenii. V 2 t.* [Complete collection of works. In 2 vols.]. Tehran, Negah, 1385/2006, vol. 1. 662 p.; vol. 2. 740 p. (in Persian)

18. Aryanpour, Ya. *Ot Saba do Nima. V 3-kh t.* [From Saba to Nim. In 3 vols.]. Tehran, Zavvar, 1382/2003, vol. 3. 3638 p. (in Persian)

19. Dzhamsheidi, E. *Vstrecha s Zabihollahom Mansuri* [Meeting with Sabihallah Mansouri]. Tehran, Zarrin, 1382/ 2003. 325 p. (in Persian)

20. Yushij, N. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete collection of essays]. Tehran, Negah, 1371/1992. 908 p. (in Persian)

21. Lermontov, M.Yu. *Poeziya. Proza* [Poetry. Prose]. Moscow, AST MOSKVA, 2009. 569 p.

22. Ivanov, V.V., Toporov, V.N. *Ptitsy* [Birds]. *Mify narodov mira: Entsiklopediya. V 2-kh t.* [Myths of the Peoples of the World. Encyclopedia. In 2 vols.]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya, 1988, vol. 2, pp. 346–349.

23. Chevalier, Jean. *Slovar' simvolov* [Dictionary of Symbols. Transl. from French by S. Fazaeli]. Tehran, Dzheykhun, 1384 /2005. 624 p. (in Persian)

24. Alizade, Dzh. *Interv'yu s Shahriyarom* [Interview with Shahriyar]. Tehran, Negah, 1397/2018. 288 p. (in Persian)

25. Purhamdollah, M. *Vliyanie poemy "Demon" na N. Jushidzha i M.H. Shahriyara* [Influence of the poem "Demon" on N. Yushij and M.H. Shahriyar]. *Istoriya literatury* [History of literature]. Tehran, Shahid Beheshti University, 1390/ 2011, no. 64/3, pp. 29–49. (in Persian)